

ЖИВАЯ
ПАМЯТЬК 90-летию
со дня рождения
Льва Квитко

Мастер поэтического сюжета

«Оказалось, что стихи сочиняются им не за рабочим столом, а всюду, где придется, на ходу, — вспоминал Корней Чуковский. — Ходит из комнаты в комнату, ничего не видя и не слыша, и целыми часами бормочет какие-то невнятные слова». Это был замечательный советский поэт Лев Квитко, писавший на языке идиш. Многие из рождавшихся таким образом стихов были детскими. И вот в один прекрасный день они понадобились и классикам возникшей тогда советской детской поэзии — Маршаку, Михалкову, Благиной, переводившим Квитко с тем же воодушевлением, с каким писали сами; и совершенно «взрослым» Светлову, Шубину, Хелемскому, научившимся для этого случая говорить детскими голосами; и таким переводчикам, как Т. Спендиарова и Н. Чуковский; и радио, и детским газетам, журналам, издательствам, а больше всего — нам, детям тридцатых — сороковых годов.

Но вот, как говорится, через сорок лет после детства я беру в руки книги «Весны, лета, осени» и «Моим друзьям», выпущенные одна «Советским писателем» для взрослых, другая — «Детской литературой» для детей к девяностолетию со дня рождения поэта. И что же? Стихи, как помнится, нерасторжимо связанные с бытом, стилем, духом давно ушедших лет, насколько не устарели! Они, как и положено истинной поэзии, даже засверкали какими-то новыми гранями. Более того, в основной массе не устарели и переводы, иначе б я мог не заметить это чудо.

Квитко был мастером поэтического сюжета; его изыскателем и изобретателем. Помню, в 1942 году он поразил меня, мальчишку, видевшего тревоги и воздушные бои, даже не стихами, а одной поэтической мыслью о затемненных огнях, узниках войны. Я сам принялся было писать на эту тему. И вот в книге для взрослых я нашел наконец написанное в 1941 году и прекрасно переведенное Е. Благиной стихотворение «Свет в убежище». Оно, еще не читанное, без образцов, деталей, звонких строк, жило во мне всю войну и углубило радость, с какой в последние дни войны я увидел уже не затемненную победительницу Москву, ее освобожденные огни. Вот что такое поэтический сюжет!

А «Письмо Ворошилову»? Мы все повторяли его в детстве:

Климу Ворошилову
Письмо я написал...

Любой из нас, довоенных мальчишек, всем существом пережил эту сюжетную ситуацию: малыш пишет письмо нарком, прославленному герою гражданской войны, чтобы тот заметил его старшего брата и, «когда начнется бой», послал его «в отряд передовой», а если брат погибнет, то пусть нарком помнит, что младший брат скоро подрастет и встанет вместо погибшего «с винтовкой на посту». Один из нас отождествлял себя с автором письма, другие, постарше, — с его братом-призывником. Но как же я удивился, увидев под этими стихами дату — 1928, год моего рождения.

Лев КВИТКО.

А другое знакомое с детства и уж такое «дошколятское» стихотворение, как «Жучок» (перевод С. Маршака), про «неуклюжего рогатого жучка», носимого потоками ливня, но потом спасенного сначала своей собственной храбростью, затем мальчишкой, который на время ливня спрятал его в коробке и слушал, «как третя о стенки жучок», прежде чем выпустить на дорожку в сад, — это вот простодушное, драматичное и веселое стихотворение датируется 1917 годом. А стихи про китсоньку, плывшую с мышами, поэт «набормотал» и запомнил еще подростком (это мне сообщила его жена Б. С. Квитко), когда он жил, по его словам, «на хлебах у голода».

Выходит, что поэты, открывшие нам Квитко, имели в тридцатые годы дело со всем: что он создал, начиная чуть ли не с детского возраста. А мы-то считали, что все это возникло при нас и для нас, как написанное в 1939 году «Анна-Ванна — бригадир»:

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим:
Поглядим и выйдем!

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят купать пора,
После приходите.

Покоряющее, незабываемое звучание! А ведь родилось оно по-русски, наверное, потому, что совсем еще молодого автора «Дяди Степы» привлек в этих стихах с виду простецкий, но такой счастливо найденный сюжет: дети хотят видеть поросят, а тех то купают, то кормят, то кладут спать. И все это в форме народной песенки-сценки. Измени чуть-чуть ее железную конструкцию, пусть, скажем, малышкой к поросят, и стихи сразу станут беднее, банальнее, вряд ли бы они вызвали у Михалкова непреодолимое желание их перевести, произнести как свои.

Квитко, как заметил Чуковский, часто употреблял в стихах слово «чудо». А разве не чудо, что поэт в давних переводах, выполненных множеством не похожих друг на друга людей, остался живым, таким, так сказать, похожим на себя самого и очень современным поэтом!

Валентин БЕРЕСТОВ